

него сделано на Голгофе, уже сам по себе является жертвой. Это значит то, что мы принимаем плоды Голгофы в акте, в котором мы соглашаемся сами на Голгофу, принося себя вместе со Христом Отцу. Акт веры христианского общества при участии в Евхаристии имеет структуру жертвы.

Лютеранин не может не заметить, насколько явно эти мысли, истолковывающие евхаристическую жертву как согласие по вере, приближаются к лютеранской точке зрения, согласно которой Евхаристия — это видимое Слово (*Verbum visibile*). При этом структура евхаристической жертвы будет означать, что дело благодати Божией — крестная жертва Христа — каждый раз при совершении Евхаристии видимым образом становится достоянием людей и застает их в фактической жизненной ситуации.

Г. Аулен отвечает на наш вопрос следующим образом: «Когда Новый Завет использует слово «жертва» в разных местах, например, когда говорится о жертве хваления или молитвы или когда апостол Павел говорит, что мы должны принести тела наши в живую, святую и непорочную жертву Богу, то всегда речь идет о жертве, которая находится на совсем ином уровне и которая имеет совсем иное содержание, чем та жертва, которую Христос единожды принес за всех».

Этот ответ всё же нельзя считать полностью удовлетворительным, так как всякая благогодная Богу жертва — как единоразовая жертва Христа на Голгофе, так и жертвы молитвы, хваления и всей жизни, которые приносят Богу Его Церковь и ее члены, — является, с другой стороны, единым целым. В конце концов речь идет о мистерии Христа, в которой участвуют все присные Ему.

Жертва хваления, или Евхаристия, и жертва искупления должны быть отделены друг от друга, но они принадлежат к одной и той же жертве.

Будет ли найдена общая основа?

Критика, направленная реформацией против римско-католического учения о жертве-мессе, подчеркивала одну мысль: Евхаристия не есть наша дань Богу, она есть дар Божий, в котором крестная жертва Христа становится действительной в современности и приносит верующим спасение. Классическое лютеранское учение о Евхаристии получило свою окончательную форму в условиях борьбы. Лютер, правда, признавал, что и у Церкви, руководимой папой, было Евангелие, но именно в учении о мессе-жертве и в соответствующей этому учению практике Евангелие упразднялось или сокращалось. Лютеранская Церковь унаследовала от реформации основную мысль, согласно которой Евхаристия сообщает верующим дар Божий — оставление грехов, жизнь и блаженство в качестве плодов крестной жертвы Христа. Но вместе с тем лютеранство унаследовало от реформации и определенную сдержанность, которая не позволяет ему говорить о Евхаристии как о жертве.

В экуменическом диалоге следует искать новые постановки вопроса, которые вывели бы из тупика древних разногласий относительно учения о сущности Евхаристии. В Римско-Католической Церкви после Второго Ватиканского Собора идет процесс переоценки и нового толкования евхаристического богословия, в том числе и аспекта жертвы. Это сделало возможной плодотворную дискуссию между лютеранами и римскими католиками. В свете этого богословский диалог между православными и лютеранами о сущности Евхаристии может в настоящей ситуации способствовать более глубокому раскрытию и пониманию Евхаристии во всем христианстве.

Профессор А. Т. НИКОЛАЙНЕН (Хельсинки)

ЕВХАРИСТИЯ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ НОВОГО ЗАВЕТА

В Священном Писании Нового Завета говорится об установлении Евхаристии, или Трапезы Господней, четырежды (1 Кор. 11, 23—25; Мр. 14, 22—25; Мф. 26, 26—28 и Лк. 22, 19—20). Кроме того, в Евангелии от Иоанна дается пояснение слов Спасителя на Его последней трапезе (Ин. 6, 51, 53—56). В Послании к Евреям также имеется существенное дополнение к новозаветному евхаристическому богословию.

По этим данным мы можем проследить появление и древнее развитие святой Евхаристии, начиная от исторического страдания Спасителя (начало 30-х гг.) до появления Евангелия от Иоанна (90-е гг.). Сравнение евангельских повествований показывает, что в древней Церкви существовало две традиции в понимании слов Христа на Тайной Вечери: с одной стороны, запечатленная Марком и Матфеем, с другой стороны, — Павлом и Лукой. Расхождение этих традиций, однако, не настолько велико, чтобы мешать нам говорить об едином новозаветном учении об Евхаристии. В этом учении мы можем отметить четыре пункта.

1. Эсхатологическая торжественная трапеза. Трапеза Христа с Его учениками «в ночь, в ноже предающаяся», необходимо связывать с проповеданным Христом Царством Небесным независимо от того, была ли эта трапеза собственно еврейской пасхой или же просто торжественной вечерей (kiddush). Все трапезы Христа на земле были предвкушением Царства Небесного (Vorweggabe der Vollendung, J. Jeremias), точно так же и последняя Его трапеза предвещала будущее спасение: «Аминь глаголю вам, яко кому не имам пити от плода лознаго, до дне того, егда е лию ново во Царствии Божии» (Мр. 14, 25).

Этот первый — эсхатологический — аспект Евхаристии сохранился до нашего времени. От каждого совершения Евхаристии Господней ведет прямая нить к ликующей трапезе Царства Божия. Каждая Евхаристия в некотором смысле является «предпоследней», так как следующая уже может быть полным торжеством в Царстве Божием. Отсюда для Евхаристии характерны ожидание, надежда, радость и благодарение, хотя сосредоточение и делается на таинство смерти Христа. Уже само название «Евхаристия» (которым пользовались автор «Дидахи», а также Игнатий Антиохийский и Иустин Мученик) очень четко определяет ее содержание в первохристианском смысле. Следует также отметить, что Христос произнес Свои установительные слова о хлебе и вине при торжественных молитвах благодарения (εὐχαριστήσας, εὐχαριστήσας).

Эсхатологически определяет Евхаристию и апостол Павел. Если прообразам Евхаристии являются «брашно духовное» и «пиво духовное» (1 Кор. 10, 3—4), преданные Моисеем Израилю в пустыне, то каждая Трапеза Господня устремлена к Его пришествию: «Елижды бо аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже убо придет» (1 Кор. 11, 26). Эсхатологический акцент Павла нов в том смысле, что он определяет и характеризует таинством само время между Христовым воскресением и Его вторым пришествием, т. е. время существования Церкви (так по Х. Концельману). Это, однако, отнюдь не значит, что, по апостолу Павлу, Евхаристия не приносит дары будущей славы в этот временный мир.

Новейшее исследование отвергает теорию (Х. Литцмана), согласно которой первоначально существовало якобы два типа Евхаристии: первый — как продолжение повседневных трапез Христа с учениками, а второй — как трапеза воспоминания Его смерти. О первом типе, который якобы имел название «преломление хлеба», повествует апостол Лука, рассказывая о каждодневных торжественных трапезах в ранней Иерусалимской Церкви (Деян. 2, 46), а о втором типе первым рассказал апостол Павел в своем первом Послании к Коринфянам (гл. 10 и 11). На самом же деле существовала только единая Трапеза Господня, которая с самого начала возвещала смерть Иисусову. Но к этой трапезе воспоминания смерти также с самого начала присоединялись эсхатологическая радость и ожидание.

2. Трапеза Нового Завета. Когда Христос, согласно всем писателям Нового Завета, на Своей последней (пасхальной) трапезе отождествил хлеб со Своим Телом, а вино — с Кровью, пролитой при Своей смерти, Он в общем не высказал ничего неожиданного, а только последовательно продолжил Свое основное благовествование о том, что Царствие Божие придет и будет пребывать в Его Лице. Он объявил Себя посредником спасения. Христос считал Свое страдание неотъемлемой частью данной Ему от Бога миссии, и в этом состоит историческая суть новозаветных повествований об Евхаристии (В. Г. Кюммель). В эти древнейшие евхаристические повествования входит и благовестие о Новом Завете в Крови Христовой. Несколько разновидные высказывания апостолов Марка и Павла («сия есть Кровь Моя Нового Завета» — Мр. 14, 24 — и «сия чаша Новый Завет есть в Моей Крови» — 1 Кор. 11, 25) лишь подтверждают друг друга, так как оба текста по отношению друг к другу самостоятельны. В ветхозаветные времена завет являлся соглашением между двумя сторонами, не равными по чести и силе, — между Богом и грешным народом. Новый Завет был ожидаем в начале времени спасения (Иер. 31, 31). Этот евхаристический термин стал впоследствии применяться ко всему христианскому учению о спасении (2 Кор. 3, 6) и, наконец, к новому своду Священного Писания. Новый Завет является центральным понятием в Послании к Евреям. Так, по определению апостола Павла, Иисус «лучшаго Завета есть ходатай» (Евр. 8, 6). Говоря о Крови Нового Завета (Евр. 10, 16—25), апостол вполне сознательно подразумевает Евхаристию.

3. Жертва Христа. Согласно всем евхаристическим текстам Нового Завета, слова и действия Христа на Тайной Вечери следует понимать в том смысле, что Христос приносит Себя в жертву. Однако в разных традициях и текстах форма этой жертвы меняется. Согласно традиции, которую представляют апостолы Павел и Лука, Христос говорил о хлебе, что это — Его Тело, которое дается «за вы» (ὕπερ ὑμῶν — 1 Кор. 11, 24; Лк. 22, 19). Согласно традиции, исходящей от апостолов Марка и Матфея, Христос говорил о чаше, что она есть Его Кровь и Кровь Завета, которая изливается «за многи» (ὕπερ πολλῶν — Мр. 14, 24; περὶ πολλῶν — Мф. 26, 28). Исследователи расходятся во мнениях о том, какая из этих двух традиций более древняя и в какой форме мысль о жертве первоначально выражалась в Евхаристии. Высказывалось и такое предположение, что Христос Сам говорил лишь

о явлении Нового Завета через Его Кровь, т. е. через Его смерть, и что ранняя Церковь сделала шаг вперед, истолковав в свете Священного Писания Ветхого Завета, особенно книги пророка Исая (гл. 53), жертву смерти Христа в смысле «за многих». Даже благовестие апостола Павла о том, что Христос умер «грех ради наших» (*ὕπερ τῶν ἁμαρτιῶν ἡμῶν* — 1 Кор. 15, 3), зиждется на понимании этого вопроса: ранней Церковью. Во всяком случае бесспорно, что после Воскресения Христова в истории Церкви не было даже короткой эпохи, когда крестной смерти Христа не придавалось бы спасительное значение (так формулирует вопрос Р. Х. Фуллер). Совершенно очевидно, что Христос Сам впервые проповедал о спасительном значении Своей смерти (В. Г. Кюммель) и что установление Евхаристии непосредственно связано с делом всей Его жизни. Слова 6-й главы Евангелия от Иоанна (в котором хотя ничего и не говорится об установлении таинства Евхаристии): «Хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть (*ἡ σὰρξ μου*), юже Аз дам за живот мира» (6, 51) — показывают, что в четвертом Евангелии аспект жертвы является центральной евхаристической мыслью.

Итак, является ли учение Священного Писания Нового Завета единым в изъяснении жертвы Христовой или же в Новом Завете высказаны лишь отдельные мысли о жертвенном характере Евхаристии?

Тексты Нового Завета о жертве следует понимать в свете понимания жертвы в Ветхом Завете. Существует в основном три ветхозаветных прообраза.

I. Центром всей совокупности жертв Ветхого Завета была искупительная жертва великого дня очищения, и, следовательно, слова Христа на Тайной Вечери можно понимать в том смысле, что Его смерть является раз и навсегда искупительной жертвой. Такое толкование следует отнести прежде всего к евхаристическим повествованиям апостолов Павла и Луки, согласно которым Христос сказал — и на Евхаристии до сих пор продолжает говорить — о хлебе: «еже за вы даемо». Точно так же следует понимать и слова апостола Иоанна: «Хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира». Так как смерть Христова была искупительной жертвой за грехи, то и Евхаристия сообщает прощение грехов. Хотя в тексте апостола Павла говорится о верующих, а в тексте апостола Иоанна говорится о мире, принципиальной разницы между этими текстами нет: и апостол Павел говорит именно о примирении мира, когда Бог был во Христе (2 Кор. 5, 18—19), и апостол Иоанн сравнивает эти понятия, говоря о Христе как умиростивлении за грехи всего мира (1 Ин. 2, 2). Великий Пяток был великим днем очищения. Так толкует смерть Христову в первую очередь Послание к Евреям: Христос не много раз входил во святая святых, т. е. на небо, а однажды принес Себя в жертву, чтобы очистить грехи многих (9, 24—28). То, что писатель Послания имел здесь в виду именно Евхаристию, обнаруживается из 10-го стиха 10-й главы: «...О ней же воле освящения есмь принесением Тела (*διὰ τῆς προσφοράς τοῦ σώματος*) Иисус Христова единою».

II. Вторым ветхозаветным прообразом, бесспорно, является свидетельство 53-й главы книги пророка Исая о жертве, приносимой за других. Когда апостолы Марк и Матфей приводят слова Христа о чаше с вином: «сия есть Кровь Моя... за многи изливаемая», они сознательно сопоставляют эти слова со словами пророка Исая, который говорит: «Предана бысть на смерть душа Его... и Той грехи многих вознесе» (Ис. 53, 12). О том, что речь идет о жертве, приносимой за других, свидетельствуют многократно цитированные слова: «Той же явлен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша» (Ис. 53, 5). Когда евхаристические тексты Евангелий от Марка и от Матфея в согласии с 53-й главой книги пророка Исая говорят о жертве, принесенной за многих, это подтверждает универсальный характер жертвы Иисуса, принесенной за других. Под «многими» (*rabim*) подразумеваются все, а особенно язычники (J. Jeremias). По мнению раввинов и иудейских книжников времен Христа, за грехи язычников не было совершено искупление (Me-khilta; срав. Исх. 21, 30). Однако раннехристианская Церковь придерживалась иного мнения. В каждой своей Евхаристии она возвещала, что Христос пострадал за многих, т. е. также и за язычников. Если мысль о жертве можно было связать с хлебом, то с Кровью эта мысль связана совершенно очевидно. Когда при исследовании Священного Писания Нового Завета спрашивается, как появилось «богословие Кровви», которое встречается в Посланиях апостола Павла, особенно в Посланиях к Ефессянам и Евреям, а также в первом Послании апостола Петра, в Евангелии от Иоанна, в его первом Соборном Послании и Откровении, следует констатировать, что отожествление вина и Крови, высказанное Христом на Тайной Вечери жертвенным языком Ветхого Завета, в достаточной мере объясняет это.

III. Третий ветхозаветный прообраз Евхаристии — это жертва, подтверждающая Завет. «Взем же Моисей кровь, окропи люди, и рече: се кровь Завета, егоже завеща Господь к вам о всех словесех сих» (Исх. 24, 8). Согласно всем четырем упомянутым евхаристическим повествованиям, Христос говорил о Завете в Своей молитве благодарения о чаше вина. Все четыре повествования предусматривают существование мысли «о крови Завета», однако так, что апостолы Марк и Матфей прямо говорят о крови Завета, которая изливается во оставление грехов (Мф. 26, 26), а апостолы Павел и Лука сохраняют слово «чаша» в выражении: «сия чаша Новый Завет есть в Моей Крови». У первых завет является определением крови, а у вторых кровь точнее определяет завет — Новый Завет.

Появление Нового Завета, о котором пророк Иеремия предсказал, что Бог заключит его с домом Израилевым и домом Иудинным (Иер. 31, 31), предносилось взору иудеев времен Христа. Община кумрацких отшельников, например, верила, что она является церковью Нового Завета; так что не удивительно, если и первые христиане относили себя к новозаветной Церкви. Естественно также и то, что Христос на Тайной Вечери — и независимо от того, была ли эта Вечеря иудейской пасхальной вечерей или нет — заявил о вступлении в силу Нового Завета с момента Его крестной смерти. Общее в богословском аспекте всех книг Священного Писания Нового Завета есть во всяком случае то, что Христос Сам является жертвой Завета. Он был тем эсхатологическим пасхальным Агнцем, который был принесен в жертву за нас (1 Кор. 5, 7), Агнцем Божиим, Который вземлет грехи мира (Ин. 1, 29), Агнцем закланным (Откр. 5, 12), Ходатаем Завета лучшего (Евр. 8, 6; 9, 15), Ходатаем Завета Нового, Кровь Которого говорит лучше, чем кровь Авелева (Евр. 12, 24). Сама центральная мысль Послания к Евреям (7, 11—12; 8, 13) — упразднение Ветхого Завета с его священством и установление Нового Завета и нового, по чину Мелхиседекову, священства через первосвященническую жертву Христову — несомненно основана на словах и действиях Христа на Его последней, Тайной Вечери, на Евхаристии. Даже слова Ветхого Завета, приведенные в Послании к Евреям (9, 20), — «сия кровь завета, егоже завеща вам Бог» — это как будто выдержка из первохристианской литургии.

4. Трапеза общения. Хотя мысль о жертве и является центральной во всех евхаристических традициях Священного Писания Нового Завета, однако мысль об общении (*κοινωνία*) со Христом следует тоже отметить как изначальный подлинный новозаветный фактор в Евхаристии. В этом отношении решающими следует считать слова апостола Павла: «Чаша благословения, юже благословляем, не общение ли Крове Христовы есть? Хлеб, егоже ломим, не общение ли Тела Христовы есть? Яко един хлеб, едино тело есмы мнози; вси бо от единого тела причащаемся» (1 Кор. 10, 16—17). Основные выражения здесь — *κοινωνία τοῦ αἵματος τοῦ Χριστοῦ* и *κοινωνία τοῦ σώματος τοῦ Χριστοῦ* — получают у разных исследователей главным образом два толкования: согласно первому, речь тут идет об общении (*Gemeinschaft*) с воскресшим из мертвых Христом; согласно второму, речь идет о причастии (*Teilhabe*) Даров Тела и Крови Христовых. Я же согласен с немецким исследователем Х. Коншельманом в том, что такое противопоставление является лишь внешним. Апостол Павел хотел сказать, что участвуя в Трапезе Господней, мы причащаемся Крови Христовой, т. е. приобщаемся Его искупительной смерти. Это можно сказать как о хлебе, так и о чаше. Когда мы на Трапезе Господней принимаем хлеб, нам преподается Христос, так как апостол Павел одинаково отождествляет хлеб и Тело Христово, а также чашу благословения и Кровь Христову. Это отождествление решает также вопрос в споре между реформаторами (между Лютером, Цвингли и Кальвином) о том, означают ли (т. е. изображают ли) только хлеб и вино Тело и Кровь Христовы или же они суть Тело и Кровь Христовы. Хотя в родном языке Христа глагола «быть» и не требовалось, первоначально же речь шла об отождествлении, идентификации. В то время вопрос об изменении веществ таинства казался ненужным. Для апостола Павла и для всей ранней Церкви было достаточным то, что участие в Трапезе Господней считалось отличным от обычных трапез (1 Кор. 11, 27—29), что Трапеза Господня являлась таинством, через которое подавалось общение с Телом Христовым и приобщение Ему.

Тут уже апостол Павел пошел дальше существовавших первохристианских традиций и впервые дал учение о сообществе верующих, или Церкви, как о Телу Христовом. Таинственное приобщение Христу делает нас Телом Христовым. Апостол Павел говорит: «Яко един хлеб, едино Тело есмы мнози». Соединение мыслей о Церкви и об Евхаристии было богословским вдохновением апостола Павла. Насколько я понимаю, Православная и Римско-Католическая Церкви придают этой стороне учения апостола Павла большее значение, чем Лютеранская Церковь.

Однако учение апостола Павла о Церкви не противоречит высказываниям Христа на Тайной Вечери — на первой христианской Евхаристии. Соединяя хлеб со Своим Телом (по-еврейски — *bâsar*, по-арамейски — *bisrâ*), а потом чашу вина со Своей Кровью (по-еврейски — *dâm*, по-арамейски — *demâ*), Христос установил постоянную связь между Собой и Своими учениками, а также верующими в Него. Трапеза уже сама по себе является средством общения, коммуниона. Новейшее исследование в области Священного Писания Нового Завета обнаружило, что слова Христа при благословении хлеба и при благословении чаши не следовали непосредственно друг за другом и не были детально соответственными, а относились к двум разным актам, которые постепенно сближались друг с другом. На агапах хлеб и вино также разделялись при раздаче, и даже тогда, когда акты раздачи хлеба и вина были перенесены на конец трапезы-агапы, не было стремления к их полному объединению. Так, в евхаристическом повествовании апостола Павла (1 Кор. 11, 23—25) хлеб соответствует не вину, а чаше и Тело соответствует не Крови, а Новому Завету. Соответствие не точное, хотя, конечно же, чаша была чашей вина, а Новый Завет — «в Моей Крови». Это интересно отметить постольку, поскольку здесь делается очевидным, что апостол Павел и ранняя Церковь вообще не ставили акцента на веществе

танства, а говорили о трапезе в целом. Все должно было твориться в воспоминание смерти Христа. Тайной Вечери следовало приобщаться вновь и вновь.

О том, в какую сторону пошло развитие позже и даже еще в эпоху написания книг Священного Писания Нового Завета, наглядно свидетельствует евхаристический текст из Евангелия от Иоанна (Ин. 6, 51—58). После того, как Иисус, согласно апостолу Иоанну, отождествил хлеб и Свою Плоть, данную «за живот мира» (6, 51), и прямо сказал о вкушении Плоти и Крови Сына Человеческого (6, 53—56), полное соответствие хлеба и вина, с одной стороны, и Плоти и Крови, с другой, получило убедительное подтверждение. Ведь, по учению Священного Писания, человек есть целокупность плоти и крови (Мф. 16, 17; I Кор. 15, 50), поэтому при таинственном упоминании о хлебе вместо «тела» (σάρκα) говорилось о «плоти» (σάρξ). Эти слова Евангелия от Иоанна (которые Р. Буэйтман считает вставкой церковно настроенного редактора в менее православный первоначальный текст Евангелия) во всяком случае указали путь к более высокой оценке вещества таинства, вплоть до мысли Игнатия Антиохийского, что Евхаристия является лекарством бессмертия (φάρμακον ἀθανασίας): «Ядый Мою Плоть и пийй Мою Кровь, иметь живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день. Якоже посла Мя живый Отец, и Аз живу Отца ради; и ядый Мя, и той жив будет Мене ради, ...жив будет во веки» (6, 54, 57, 58).

И наконец, отвечая на вопрос: почему Церковь первых времен, которую описывает Священное Писание Нового Завета, так единодушно и непрестанно совершала последнюю Вечерю Иисуса — Трапезу Господню? — мы одновременно подытожим вышеприведенное следующим образом.

Согласно Священному Писанию Нового Завета, святое крещение является дверью в новозаветную Церковь, а Евхаристия — Трапезой Нового Завета, которая полагала первым христианам исполнять вновь заключенный Завет с Богом. Поэтому мысль о жертве в понимании Евхаристии была весьма важной в том отношении, что она содержала саму суть евангельского повествования — благовестие о значении искупительной и спасительной смерти Христовой за нас. Евхаристия очень существенно и наглядно выражала и прочие аспекты первохристианской харизмы, например, значение Воскресения Христова и второго Его пришествия. Для евхаристического учения Нового Завета характерна именно христоцентричность. Святое таинство Евхаристии дало повод апостолу Павлу для развития его важного учения о Церкви как Теле Христовом, учения, которое, по нашему лютеранскому пониманию, вполне согласно с другим, еще более важным учением апостола Павла — учением об оправдании.

РЕЗЮМЕ ПО ТЕМЕ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НАСИЛИЕ»

Во исполнение решения делегаций Русской Православной Церкви и Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии, принятого на первой богословской встрече в «Синаппи» (г. Турку, Финляндия) 19—22 марта 1970 года, о желательности совместного обсуждения богословами обеих Церквей темы «Справедливость и насилие» на настоящем собеседовании его участниками по этой теме были представлены три доклада.

В результате обсуждения этих докладов участники собеседования единодушно пришли к следующим выводам.

1. Господь создал человечество единым и искупил его в Сыне Своем Иисусе Христе. Когда Сын Божий стал Человеком, Он взял на Себя грех и скорби мира. Следуя Господу Иисусу Христу, Церковь состраждет миру, но также сопричастует надежде, которая открылась с Воплощением Иисуса Христа и с Его искупительным актом.

2. Свидетельство Церквей о мире и справедливости основывается на этом акте Божиим. И христиане призваны совместно быть миротворцами. Эта воля Господа является исходным моментом того свидетельства, которое Церкви несут миру. Эту задачу Церкви в состоянии выполнить только в том случае, если они будут верны Послававшему их и будут черпать содержание своего свидетельства из Его благой вести.

3. Церкви свидетельствуют о воле Господа миру людей, который поражен грехом. Это означает, что они должны постоянно вопрошать об истинном содержании мира и справедливости и каким образом они могут это осуществлять. При этом они не должны удовлетворяться результатами, какие они имели в прошлом в деле созидания мира и справедливости, но постоянно изыскивать новые возможности в союзе с теми, которые стремятся к тем же целям.

В условиях атомного века, когда ограниченная война может перерасти в мировую термоядерную, как никогда прежде на христианах и на Церквях лежит от-